

мы захотели говорить, захотели по-настоящему связаться с материком, так чтобы сообщать товарищам и близким, как мы живем, как проводим зимовку.

Первые успехи вселили уверенность, что при желании и упорстве можно и эту задачу разрешить. На радиостанции имелся стопятидесятиваттный передатчик, но запустить его из-за отсутствия топлива мы не могли. Поэтому я решил построить малоощущенный передатчик. Параллельно организовал «курсы» по изучению азбуки Морзе, работы на ключе и приему на-слух. Занимались упорно, но особыми успехами похвастаться не могли. За время, ушедшее на постройку передатчика, никто из нас не научился хотя бы мало-мальски сносно принимать на-слух.

Но вот передатчик построен, все сделано по требованиям схемы. Ток проходит везде, где он должен проходить, и не проходит там, где он не должен проходить. Конденсаторы действуют как будто хорошо, их не пробивает. Но передатчик не работает. Днями и ночами сидел я за схемами, чертил, делал и переделывал детали, разбирал и собирая вновь всю схему, включал ток и пробовал по многу раз. Я так погрузился в работу, что незаметно для себя начал разговаривать сам с собой, чертыхался, размахивал руками, нечленораздельно восклицал, не отвечал на обращения ко мне. Власовой показалось неладным мое поведение, и однажды она мне строго заявила:

— Вот что, брось-ка ты это дело, а то я все это твое передаточное устройство изломаю и выкину. Не выходит — надо бросить. Ведь нет же у нас необходимых материалов. Из ничего передатчика не построишь.

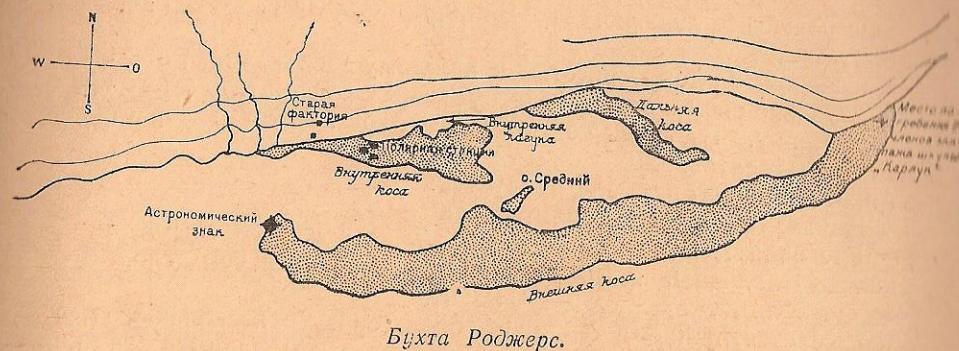
Вначале мы повздорили. Мне казалось, что еще немного усилий — и дело пойдет. Все же под нажимом Власовой я пересмотрел все «кимущество», заново обдумал все возможности и пришел к заключению, что требование правильное. С тех пор я больше не занимался опытами по установлению двухсторонней связи с материком.

И в слушании Хабаровска бывали у нас осечки, правда, не по нашей вине. Иногда на самом интересном месте вдруг, без предупреждения Хабаровск «пропадал», и мы ничего не могли поделать. Только на другой день или спустя несколько дней, когда станция снова начинала работать, выяснялось, что вещание было прервано «по техническим причинам».

Когда к нам приезжали эскимосы, мы обязательно угождали им музыкой с материка. Они внимательно слушали также и русскую речь, хотя понимали очень мало. Переводчиками служили Павлов или его жена Анна.

Несколько раз я пытался объяснить туземцам, как получается, что говорят и играют в Хабаровске, а мы слышим на острове Брангеля. Они верили нам, соглашались, что люди говорят и играют в Хабаровске, но относили это к сверхъестественному, полагая, что на это способны только русские.

Однажды нам посчастливилось: была хорошая слышимость, и Хабаровск передавал текст речи товарища Сталина на январском (1933)

Бухта Роджерс.

plenume ЦК ВКП(б) об итогах первой пятилетки. Услышанное произвело на нас грандиозное впечатление. Только после этого доклада нам стало ясно, какие огромные перемены происходят у нас на родине. Нас окаяла гордость за родную страну, за советских людей, руками которых под гениальным водительством великого Сталина преобразовывалось все хозяйство и даже география страны. Было досадно, что мы сидим на далеком острове, вдалеке от великой стройки.

Волей обстоятельств в эту зиму мы стали не только радиотехниками, но и врачами. Люди болели и требовали помощи. После отъезда врача, кроме меня и Власовой, заняться медпомощью было некому.

До сих пор мы никогда врачебной практикой не занимались, если не считать завязывания тряпицей порезов на своих пальцах. Теперь же нам пришлось иметь дело с различными заболеваниями, в большинстве случаев нам не известными.

Должен сознаться, что первое время, как только я приступал к перевязке, у меня кружилась голова, тошило, лоб покрывался испариной, во рту пересыхало, в глазах шли разноцветные круги. Охотясь на моржей и разделывая их, я видел много крови. Руки, как правило, бывали по локоть, а ноги по колена в крови. Это не мешало мне работать: во время промысла я спокойно перевязывал любые раны. А дома даже для перевязки собственной руки приходилось звать Власову. Позже эти неприятные ощущения пропали, и круг моих медицинских обязанностей значительно расширился.

Вот когда мы в полной мере оценили значение нашей библиотеки. В ней были книги по самым различным отраслям медицины — от элементарных справочников до солидных руководств: ухо, горло, нос, глаза, урология, гинекология, акушерство, дерматология, ряд руководств по болезням сосудистой системы, по нарушениям обмена, множество вспомогательной литературы по анализам мочи, крови, фармакологические руководства. Наибольшей нашей любовью пользовалось руководство для студентов и врачей академика Чистовича «Частная патология и терапия внутренних болезней». Нас привлекала краткость, ясность и простота изложения. На страницах двух сравнительно небольших томов были

показаны почти все людские страдания, с которыми нам приходилось сталкиваться.

Относясь очень добросовестно к каждому заболеванию, как бы мало и незначительно оно ни было, мы вынуждены были тратить много времени на диагностику. В связи с этим бывало немало юмористических и грустных моментов.

Приходит как-то эскимос, жалуется:

— Начальник, немного болит.

— Где болит?

Зовешь Павлова и при его помощи выясняешь, в чем дело.

— Тут болит, тут болит и тут болит.

Оказывается, пациент чувствует боль сразу в нескольких местах. Кто его знает, чем он болен! Больной уходит, а мы садимся за книги. Долго роемся в разных источниках, прочитываем не одну сотню страниц, наконец, кажется, разберешься, выберешь средство для лечения, и тогда зовешь больного.

— Ну как, Паля, дела — все болит?

— Нет.

— Что нет?

— Не болит.

— Совсем не болит?

— Да, не болит, уже хорошо.

— Значит, ты выздоровел?

— Да, хорошо.

Ну что ж, хорошо, так хорошо. Обычно в таких случаях мы не досадовали, а, наоборот, радовались, что дело обошлось без нашего вмешательства.

В большинстве случаев все же необходимо было принимать какие-то меры. У нас имелась богатая и разнообразная аптека, но медикаменты лежали уже не один год, что действует разлагающие на некоторые лекарственные средства. Чтобы не случилось чего-либо непредвиденного с людьми, которых мы пользовались, приходилось каждый раз просматривать фармакологические руководства и выяснять, какие изменения возможны при длительном хранении того или иного средства.

Не все средства были у нас в готовом виде, многие лекарства приходилось составлять самим. Хорошо, если указывались подробности, как и что делать. В большинстве же случаев приводился лишь перечень компонентов. Тогда изготовлению лекарств предшествовали длительные поиски подробных указаний.

Особенно неприятно мы чувствовали себя, когда намеченное средство бывало ядовито и требовало при применении сугубой осторожности. Давая такое лекарство, мы переживали очень тревожные минуты, опасаясь, как бы не произошло несчастного случая.

Но все обошлось благополучно. За все время нашей врачебной практики не было случая, когда бы в результате приема назначенных средств наши пациенты почувствовали себя хуже.

Чаще всего нам приходилось иметь дело с порезами у промышлен-

ников, работавших все время с ножами. Для лечения требовались только бинты и йод. Однако гнойных осложнений почти не бывало. Это объясняется отнюдь не тем, что эскимосы, раня руку, сразу употребляли антисептические средства. Наоборот, рана попавшего к нам пациента обычно бывала крайне загрязненной. Но на острове Брангеля, повидимому, совершенно отсутствовали гнойные бактерии.

Следует рассказать один любопытный случай.

Эскимосская девочка Лавак играла со своими сотоварками в мяч. Прыгая, она наступила на дно разбитой бутылки и основательно порезала себе пятку. Ко мне пришел ее отец —

Паля.

— Начальник, Лавак нога стекло ходи.

— Как стекло ходи?

Он рассказал мне, как было дело.

— Стекла в ноге не осталось?

— Нет.

— Ничего в ране нет?

— Нет, все хорошо.

Взяв перевязочный материал, я отправился на место происшествия. Проверив тому, что в ране нет осколков стекла, — в отношении ранений эскимосы имеют довольно большой опыт, — я не пытался исследовать рану. Правда, когда я прикасался к ране, Лавак вскрикивала, но я отнес это за счет общей болезненности пораненного места. Промыв рану, я наложил сухую повязку и потом, ожидая увидеть на ноге нагноение, каждый день заходил к больной. Однако рана оставалась совершенно чистой и постепенно зарастила.

И вот однажды ко мне прибежал взволнованный Паля и сообщил, что у Лавак из раны выходит стекло.

— Как стекло? Ведь ты же говорил мне, что стекла нет.

— Да, я думал, что нет стекла.

Когда я извлек торчавший из раны осколок стекла, то за ним с сукровицей вышел довольно большой тампон из пыжика. Олеиня шерсть, свалявшаяся в плотный комочек, находилась в ране в течение

Эскимоска Лавак.

долгого времени. Теперь уже с уверенностью можно было ожидать, что вот-вот появится гной. Но рана быстро зажила, и через несколько дней Лавак опять прыгала, как коза.

Следует отметить, что эскимосы в то время никогда не мыли ноги и ходили в меховых чулках мехом внутрь, причем от пота и грязи мех этот зачастую превращался в грязную зловонную массу. Приходится думать, что на острове даже грязь стерильна.

Часто встречались и различные заболевания желудочно-кишечного тракта, особенно запоры и острые катары желудка.

Был один промышленник — эскимос Етуи — с круглой язвой желудка. Язва эта, повидимому, была застарелая, так как уже на острове у Етуи несколько раз случались кровотечения, иногда очень бурные. Он был крайне истощен, постоянно жаловался на боли в желудке и мучительные изжоги. Пока на острове находился врач, Етуи обращался к нему, а теперь он стал нашим постоянным пациентом. С таким заболеванием (насколько нам удалось выяснить из литературы) можно бороться либо диетическим, либо хирургическим путем. Мы могли избрать только первый путь, причем и он для нас был крайне затруднен, так как колония располагала весьма ограниченным выбором продуктов для диетического питания. Но главное — Етуи жил от нас в 70 километрах.

Одно рекомендованное нами средство — двууглекислую соду — Етуи принимал охотно, она приносила ему облегчение, избавляла от мучительных изжог; а вот диету нужно было ему как-то растолковать. Етуи был неграмотен. Из-за бездорожья он не мог часто ездить к нам. Обсудив вопрос с Власовой, мы составили для Етуи таблицу иероглифов. Каждый иероглиф нашего «рецепта» означал определенное кушанье, количество и время его приема. Для дозировки выдали ему градуированный стакан. Заставили Етуи вызыбрить эти иероглифы и научили его приготовлять необходимые блюда из продуктов, которые мы ему отпускали.

В течение некоторого времени Етуи практиковал эту систему и чувствовал себя неплохо, — за два года у него ни разу не было желудочных кровотечений.

Но однажды он приехал к нам в жутком состоянии. Правая половина лица у него была неподвижна, глаз полуприкрыт, угол рта опустился, вся правая половина лица казалась длиннее левой, правая бровь ниже левой; лицо производило такое впечатление, словно оно составлено из разнородных половин. Етуи сообщил, что у него отказывается работать одна половина тела. Первые часы после удара он совершил не мог двигаться: рука не работала, глаз ничего не видел, правый угол рта он не мог закрыть, изо рта текла слюна.

Это крайне напугало и самого Етуи и его семью. Мы совершенно не знали, как приступить к лечению. Однако нужно было что-то предпринимать, чтобы Етуи чувствовал, что мы помогаем ему.

Прежде всего мы объяснили и ему и бывшим в это время на фактории эскимосам, что в болезни Етуи нет ничего сверхъестественного, что заболевание произошло от совершенно понятных, хотя и невидимых причин. Зная нервность Етуи, мы дали ему валериановых капель. Вреда

они не приносят, а самое главное — больной будет знать, что мы его лечим. В медицинской практике нам определенно везло. Даже такой тяжелый случай обошелся благополучно. Недели через две Етуи уже работал нормально. Незначительная асимметрия лица еще осталась, но и она постепенно исчезала, и через месяц-полтора после заболевания Етуи был таким же, как и раньше.

В разгар зимы серьезно заболел Павлов. Он работал и кладовщиком и метеорологом; кроме того, ежедневно, если не было сильного ветра, ездил за плавником. А по вечерам ему, как и всем нам, хотелось слушать радио, поэтому он ежедневно недосыпал.

Рабочий день наш в эту зиму складывался так: вставали в шесть утра, так как Павлов в 7 часов приступал к метеонаблюдениям. После этого ехали за плавником и возвращались к тринацатичасовому отсчету. До вечера занимались разными работами, после обеда немного спали. Павлов должен был делать отсчеты в 1, 7, 13, 19 и 21 час, поэтому не имел возможности как следует выспаться. Несколько месяцев такой изнуряющей жизни при неполноценном питании не могли привести к добру. У Павлова появился довольно упорный кашель и температура почти круглые сутки держалась выше 37°. По ряду признаков можно было заключить, что у него развивается процесс в легких. Мы его уложили на две недели в постель, запретили курение, изъяли у него табак, организовали определенную диету и следили за тем, чтобы комната регулярно проветривалась, чтобы в ней было тепло. Всю его работу я взял на себя. Через некоторое время он стал себя чувствовать лучше. Потом мы разрешили ему выходить не надолго на воздух, постепенно увеличивая продолжительность прогулок. Через полтора-два месяца здоровье Павлова поправилось, он прибавил в весе, температура стала нормальной, улучшился аппетит. Когда он снова приступил к работе, мы установили для него определенный режим. Он ложился аккуратно в 22 часа, ночное наблюдение в час ночи я взял

Поделка половины щетки из мочала.

на себя, чтобы он имел возможность спать восемь часов без перерыва; слушать радио ему разрешили только до 22 часов. Благодаря такому режиму Павлов окреп и стал чувствовать себя вполне нормально.

От частого потребления мяса морского зверя, богатого пуриновыми телами, стали и у меня пошаливать почки. Пришлось перейти на безмясную диету. Правда, долго сидеть на хлебе и гречневой каше было скучно, и до следующих недомоганий я снова переходил на мясо. Чтобы не нагружать бесцельно почки, я совершенно прекратил потребление богатых пурином перца, горчицы, чая, шоколада. Власова с середины зимы перестала курить. Я хотя и продолжал курить, но уже значительно меньше.

У нас обоих развились какие-то неприятные симптомы, очевидно, невротического характера. Для борьбы с ними я время от времени применял «сердечную гимнастику» — медленно вхолмил на вершину одного из холмов, стараясь при этом равномерно и глубоко дышать. Таким путем я избавился от одышек, но сердцебиения остались. Правда, наблюдались они реже, чем раньше, и не так интенсивно.

Цынги и в этом году у нас не было совершенно. Боясь, как бы к нам не пожаловала эта страшная полярная гостья, мы внимательно следили за собой и за эскимосами, осматривали приезжавших к нам и расспрашивали о живущих с ними. Но мы ни у кого не обнаружили даже начальных симптомов этой болезни.

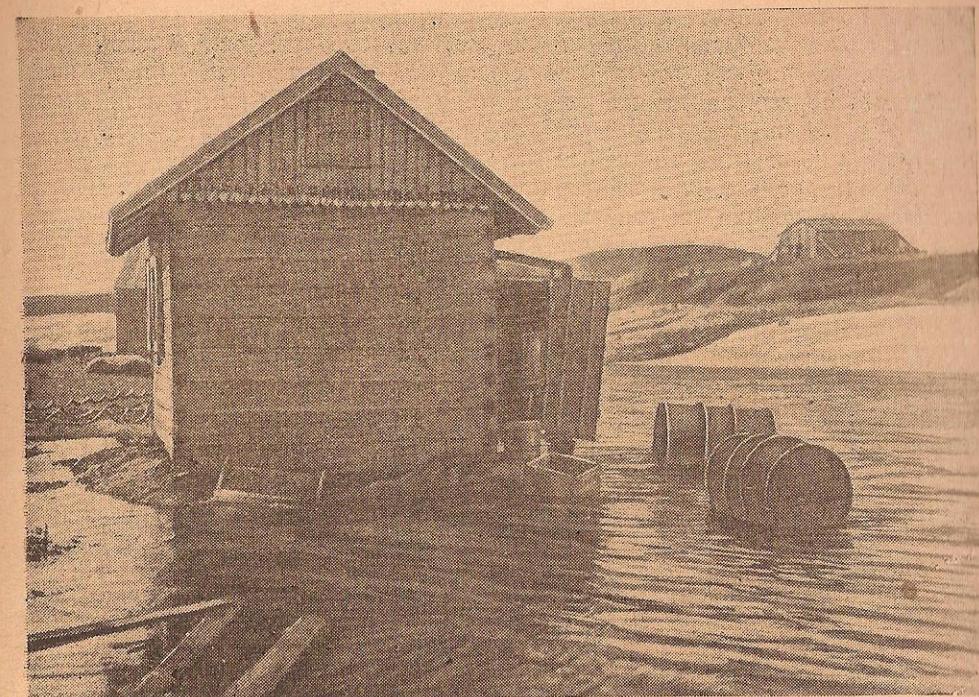
Засахаренные апельсины, вывезенные с «Совета», и засахаренные лимоны, присланные с мыса Северного, я приберегал к весенним месяцам, наиболее опасным в отношении цынги. У эскимосов был заготовлен нунивак — сквашенная в бочке трава, собираемая летом. Они употребляют ее как гарнир к мясу. Несомненно, нунивак имеет противоцынготные свойства, в чем мы имели возможность убедиться весной 1934 года.

Не наблюдая острых проявлений цынги, мы тем не менее замечали у себя незначительную кровоточивость десен, близко напоминавшую явление, которое академик Чистович называет хронической цынгой. Десны нормального цвета, не увеличены, но иногда при чистке зубов щетка чуть розовела или при нажиме пальцем на десну появлялся слабый кровяной след. Несколько раз во рту неожиданно ощущался тепловой и соленый привкус. Кровотечения эти молниеносны; возникая неожиданно, они тут же прекращаются. Чтобы ослабление десен не зашло слишком далеко, мы регулярно применяли укрепляющие полоскания и смазывания.

Других признаков цынги у нас за все это время совершенно не было.

Четвертая зима прошла в общем благополучно. Промысел песца и белого медведя проходил нормально. Промышленники не были оторваны от своей основной работы, пушнина была сдана во время и в хорошем виде. Опять у нас на складе висело несколько сот хвостов, а на вешалах качались колеблемые ветром, желтевшие на солнце десятки медвежьих шкур.

Но вот зима прошла. Солнце уже высоко поднялось над горизонтом.

Летнее наводнение.

Дни становились все длинней и ярче. С наступлением весны мы занялись обычными для того времени работами: копали канавы в снегу возле дома, чистили склады. Только этой весной мы особо внимательно следили за тем, что творилось на материке, и раньше обычного с большим нетерпением стали ждать известий о том, какое судно к нам пошлют, когда пошлют, кто пойдет на остров и делается ли вообще что-либо для подготовки экспедиции. К сожалению, сообщений об этом не было. Почти каждый день из Хабаровска передавали об организации какой-нибудь экспедиции. Говорили об экспедициях в Уэлен, на мыс Северный, на мыс Шелагский, на Колыму, даже в бухту Провидения, но об острове Врангеля упорно молчали, как будто бы его вовсе и не было на карте.

Это упорное молчание тревожило зимовщиков. Мне приходилось разъяснять, что на материке прекрасно знают о нашем положении, знают, что мы сидим без топлива, без многого необходимого. Нельзя допустить и мысли, что о нас забыли.

Ободряя товарищей, я в тайниках сознания иногда и сам тревожился. А что, если к нам опять пошлют малопригодное судно, как это было в 1932 или в 1931 году, сочетая рейс на остров Врангеля с какой-нибудь посторонней задачей?

Переходя от сомнений к надежде, мы ни на минуту не прерывали

работы по подготовке к приходу судна. Как и в прошлом году, мы с Власовой готовили подарки для московского зоологического сада. В марте, когда проходил массовый убой весеннего медведя, в нашем зверинце появилось девять живых медвежат. Так же как и в прошлом году, у нас жили песцы, полярные совы, лемминги. Мы тщательно упаковали наши коллекции и научные материалы.

Весна прошла. Многие растения отцвели. В засушливых местах тундра уже успела выгореть. Лед на море все больше раскисал, а о пароходе все еще сведений не было.

Как обычно, в середине июля лед от берега оторвало, на востоке и юго-востоке, пока хватал глаз, виднелась чистая вода. По всей видимости, ледовая обстановка для навигации летом 1933 года была сравнительно благоприятной, а с востока просто хорошей. «Судно к нам легко попадет, — думали мы, — даже если оно и не будет специально приспособлено для плаваний во льду».

Всем эскимосам, особенно живущим по южному побережью, я дал указание очень тщательно следить за состоянием льда у берега и в море. Для этого я выдал им тетради, чтобы они по установленной форме записывали свои наблюдения. Принуждать их не приходилось, все они ждали судна с крайним нетерпением и прекрасно понимали, что успех рейса на остров зависит от состояния льда и точных сведений о нем.

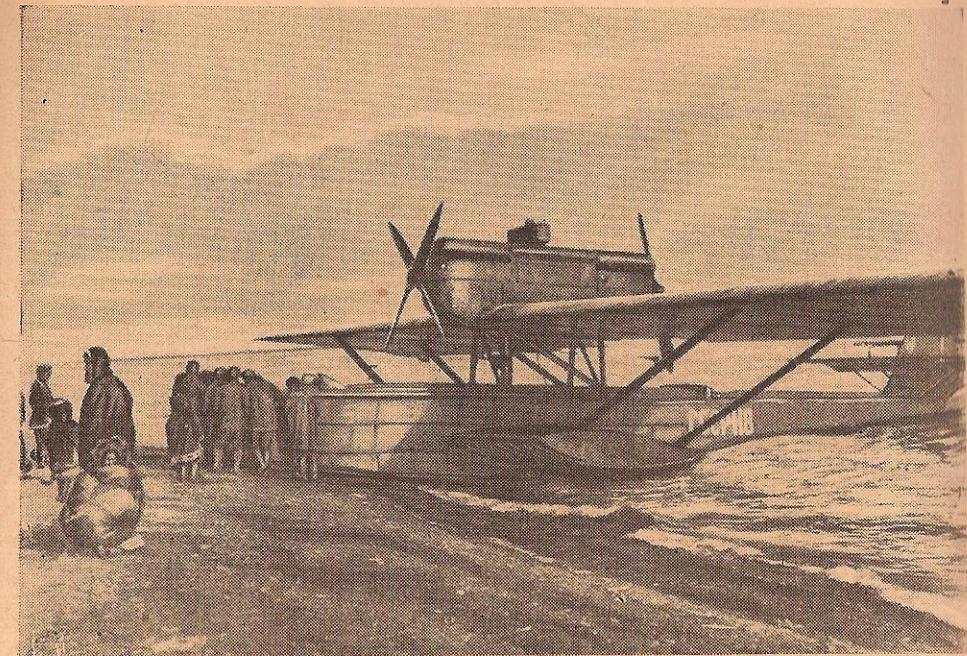
Промысел моржа начали во-время, стремились заготовить для наших преемников достаточное количество моржового мяса. Охота проходила вполне удачно, мы ни разу не возвращались домой без добычи.

В прошлом году наш моторный вельбот из-за пустяковых технических поломок весной не работал. Будучи на «Совете», я раздобыл необходимые инструменты и еще осенью 1932 года при помощи Павлова исправил мотор. Летом 1933 года наш вельбот не имел и часа простоя.

Мы с Власовой вещей не укладывали, полагая, что это можно сделать в любой момент. Но среди эскимосов были деятельные сборы к отъезду, словно пароход уже стоял у острова. Собирались выезжать Аньялик, Паля, Тагью. Аньялик с братьями для подготовки к отъезду перебрался с моего разрешения из бухты Сомнительной в Роджерс и охотился на моржей вместе с нами.

Сборы эскимосов к отъезду все же повлияли на заготовку моржа. Собравшиеся уезжать считали, что мясо нужно заготовлять только для текущих надобностей, а о зиме думать нечего, так как все равно мясом пользоваться не придется. Эти демобилизационные настроения передавались и другим эскимосам.

Каждому приходилось неоднократно втолковывать, что они должны охотиться так же, как если бы и не думали уезжать с острова. Мясо не пропадет, даже если пароход не завезет новых людей. В этом случае я приму мясо на склад фактории и уплачу деньги. Но больше всего на них действовали напоминания о прошлом году, когда пароход был уже близко у острова, — мы его все хорошо видели, а тем не менее он к нам не подошел. Если бы тем летом не запасли достаточного количества мяса, у нас зимой был бы голод.

Самолет Леваневского в бухте Роджерс. Лето 1933 г.

Это убедило эскимосов, и они стали охотиться по-настоящему. Во всех основных становищах были сделаны достаточные запасы мяса.

Так мы провели вторую половину июля и первую половину августа. Радио действовало, звучала музыка, но о рейсе на остров ничего не сообщалось.

12 августа 1933 года, услышав какие-то дикие крики и вопли под окнами, я выскоцил на двор и увидел знакомую по 1932 году картину. Люди орали и вопили, а с запада над землей летел самолет. Он рыстал, усиливаясь гул и рокот моторов. Самолет несся почти над самой землей. Вот он уже над нами, мы видим на фюзеляже и на плоскостях наше родное «СССР» и марку корабля «Н8». Самолет сделал над нами круг и пошел на посадку.

Гурьбой, со всех ног бросились мы на косу приветствовать прилетевших. Самолет, типа «Дорнье-Валь», подрулил вплотную к берегу, и из недр его появились люди.

Мы узнали Леваневского.

— Как прозимовали, как здоровье? Могу захватить на материк больных.

— Подождите о больных. В срочной помощи никто не нуждается. Лучше расскажите, как вы к нам попали, кем посланы? — перебил я его.

Оказалось, что Леваневский попал к нам случайно. В полет на острон назначен другой самолет, типа «Савойя», с пилотом Бухгольцем. Леваневский перевозил из Анадыря в Ном на Аляску летчика Маттерна, а потом направился на мыс Северный, откуда должен был лететь на ледовую разведку для судов колымской экспедиции. Но когда он прибыл на мыс Северный, суда колымской экспедиции уже прошли, и поэтому надобность в разведке миновала.

— Сидели мы на Северном и скучали. Вспомнили, что вы сидите тут год без связи, и решили вас проводить. Снялись и полетели.

Мы сердечно поблагодарили товарищей за заботу о нас.

— Нет ли у вас, случайно, газет? — спросил я.

— Кажется, нет. Английские журналы есть, а наших как будто нет. Мы ведь не предполагали, что полетим к вам, поэтому не взяли.

Мы просили их, чтобы они пошарили на самолете, и если нет целых газет, то мы, мол, люди не гордые, не побрезгаем и клочками, использованными для обертки. К великому нашему огорчению, на самолете не оказалось даже обрывка газеты.

— Вы не знаете, какое судно к нам идет? — спросил я Леваневского.

— К вам, кажется, идет «Челюскин».

— Что это за судно?

— Новый ледокольный пароход, построенный за границей и только что принятый. Идет он с запада Северным морским путем. И «Красин» тоже, кажется, идет сюда. Точно, впрочем, не знаю: не то «Челюскин» идет сюда, а «Красин» его сопровождает, не то «Красин» идет, а «Челюскин» его только сопровождает.

Эти сведения несколько подняли наше настроение. Путь, правда, далек, а льды тяжелы и коварны, но больно уж мощными (в описании летчиков) казались посыпанные к острову суда, и думалось нам, что они пробьются.

От промышленников, живших и охотившихся на западе, я знал, что там лед очень тяжел и что подойти к острову с запада, по крайней мере в данный период, почти невозможно. Но, может быть, к тому времени или льды станут менее тяжелыми, или судам удастся быстро пройти на восток к мысу Дежнева и потом уже ити по чистой воде к острову Врангеля.

Я попросил Леваневского захватить с собой написанные мною телеграммы и постараться передать их по назначению. Я писал:

«На острове Врангеля все благополучно. Зимовку провели удовлетворительно. Население в основном здоровово. Упромышилено 430 песцов и 50 медведей. В этом году покидают остров три эскимосских хозяйства, дополнительного забросьте. Следует пополнить собачью стаю. С нетерпением ждем судна. Если на судне, идущем Врангель, будет радиотелефонная станция, прошу вызвать нас от 14 до 17 часов московскому времени. На острове есть приемник. В случае, если судно не сможет подойти к острову, совершенно необходимо вывезти с острова на самолетах большую часть европейцев и трех туземцев. Также дополн-

нительно забросить продукты: сахар, соль, молоко, компот, мясные консервы. Лед в этом году значительно лучше прошлого года, но достаточно тяжел».

Кроме того, не зная, что нашим хозяином теперь являлось Главное управление Северного морского пути, я отправил еще телеграмму на адрес АКО.

Часов около семи вечера машина сделала прощальный круг над нами и взяла направление на материк. Самолет уже был за косой, но вдруг повернулся обратно и снова опустился у берега.

— Что случилось? Почему вернулись обратно?

Оказалось, что второй бортмеханик Маторин, наливая в радиатор воду, забыл закрыть спускной кран.

— Большой, а дурной, растрепал губы, — сердито объяснял Леваневский. — Как только мы поднялись в воздух, моторы начали греться. Начали выяснять, в чем дело. Тогда и обнаружилось, что мы поднялись с пустыми водяными баками. Пришло вернуться.

По моему распоряжению Павлов мобилизовал все взрослое мужское население, все ведра и банки, и через двадцать минут радиаторы были полны. Теперь уже кран был закрыт.

Опять заревели моторы. Мы стояли на берегу и долго смотрели вслед улетевшим, хотя самолета давным-давно не было видно.

Опять мы одни. Но теперь уже было легче. Мы знали, что к нам идут суда. Правда, путем еще непроторенным, путем, которым только несколько раз, и притом с огромными трудами, прошли отважные люди. Но все же идут. Кроме того, мы знали, что в ближайшем будущем к нам прилетит самолет. На самолете должна быть почта, кое-какие продукты. Это делало ожидание менее тягостным.

«Уже конец августа. Продолжаем промышлять моржа, работаем по хозяйству. Тщетно ждем обещанного самолета. По радио никаких сообщений», — писал я в те дни в своем дневнике.

31 августа мы с Власовой шли берегом бухты, отыскивая выброшенных приливом животных и водоросли. Я поднял глаза и увидел далеко над самым горизонтом странную птицу.

— Смотри, Варя, вон летит чайка. Издалека она очень напоминает самолет.

Эта чайка действительно оказалась самолетом.

Через несколько мгновений слух уловил рокот моторов. И вот уже почти над нами трехмоторный поплавковый самолет. На фюзеляже мы прочли «СССР—Н4». На этот раз прилетел наш старый знакомый — Г. Д. Красинский.

— А Бухгольц отложил полет, что ли? — спросил я его, как только закончились первые приветствия.

Ответ Красинского нас очень опечалил. Оказалось, что Бухгольц вылетел в назначенный срок, но в пути произошла авария, самолет и весь экипаж погибли.

Теперь «СССР—Н4» привез нам несколько сот килограммов продуктов и немного газет.

Угощая летчиков нехитрой снедью, приготовленной Власовой тут же на примусе и состоявшей из моржовой печени и лахтажьего мяса — этих основных наших «деликатесов», мы расспрашивали товарищей обо всем, что нас интересовало, и прежде всего о походе «Челюскина» и «Красина».

О «Челюскине», к сожалению, никто ничего не знал. Пароход еще шел где-то на западе, но где именно, неизвестно. Это мы уже знали от Леваневского.

— А «Красин»?

— «Красин»? Он на западе и сюда не идет.

— Как не идет?

— Он проводит Ленскую экспедицию и сюда итти не должен.

— Вот тебе фунт! Нам Леваневский сообщил, что и «Челюскин» и «Красин» идут сюда, только он не мог точно сказать: не то «Челюскин» идет сюда, а «Красин» его сопровождает, не то наоборот.

— То-есть, как это наоборот? Ведь «Челюскин» не ледокол. Это транспортное судно для плавания во льдах, и помочь «Красину» во льдах он не может.

Узнав, что «Челюскин» не только не сильнее «Красина», но что он и не ледокол, а обычное коммерческое грузовое судно, правда, специально построенное для плавания во льдах, и зная состояние льда к западу от острова, я понял, что и в этом году нам корабля не видать.

Летчики просили не медлить с разгрузкой самолета, так как они очень рассчитывали сделать еще один рейс к нам. Обрадованный этим сообщением, я принялся составлять подробные списки всего, что нам нужно.

— Думается мне, что и в этом году мы парохода не увидим и придется нам зимовать пятый год. Но за один рейс, друзья, вы всего не заберете. Потребуется два-три раза навестить нас.

— С радостью, Ареф Иванович, но не можем, у нас много других заданий.

— Жаль.

— «СССР—Н4» будет круглый год базироваться на мысе Северном, — сказал Чернявский, — поэтому не исключена возможность, что он побывает у вас поздней осенью или в начале весны.

— Это уже веселее.

У прилетевших товарищей было намерение забрать с собой меня и Власову, если мы будем согласны, а взамен оставить на острове бортрадиста Траутмана и второго бортмеханика Демидова.

— За эти четыре года вы, наверно, сильно измотались, пора и отдохнуть, — сказал Красинский.

Я согласился, что мы устали, надоело сидеть на острове, крайне хочется побывать на материке, снова приобщиться к культурной жизни, к людям, но разве я мог самостоятельно решать такой вопрос. Я спросил, имеют ли они полномочия нас сменить. Нет, полномочий они не имели, это их инициатива, так как они видят, что зимовать нам пятый год, пожалуй, будет невозможно. Я поблагодарил товарищей за заботу,

Летний ландшафт в центре острова.

но заявил, что в таких условиях остров сдать не могу, что бы там ни было. Они меня поняли и не настаивали.

Еще после отлета Леваневского я и Власова обсуждали, как нам быть в случае, если «Челюскину» не удастся добраться до острова. Договорились, что ежели не будет нормальной смены или приказа покинуть остров, мы должны остаться на пятый год. Предложение летчиков, таким образом, не застигло нас врасплох. Пойти на такую внеплановую замену мы просто не имели права. Люди, предназначавшиеся для замены, раньше на севере не были, если не считать севером Иркутск. К тому же уйти с острова в такой момент мы считали дезертирством, хотя, вероятно, ни у кого не нашлось бы смелости упрекнуть нас.

В ходе общего разговора возникло предложение оставить Траутмана и Демидова для установления связи с материком.

Конечно, появление двух новых товарищей уменьшало и без того полуоголодный наш паек; нам пришлось бы больше работать, однако связь с материком нас так прельщала, что мы решили пойти на любые невзгоды и принять Траутмана и Демидова.

В присутствии всех прилетевших и островитян я спросил Траутмана:

— Товарищ Траутман! Вы хотите оставаться здесь у нас в качестве радиста? Вы хорошо знаете это дело? Сможете наладить связи с материком?

Мой вопрос, видимо, обидел его, и он ответил недовольным тоном:

— Если я берусь за дело, значит знаю его. Связь наладжу через три дня после отлета самолета.

Такой ответ меня вполне удовлетворил.

Я счел необходимым предупредить и Траутмана и Демидова, что в случае зимовки не могу обеспечить им хорошего питания, что основой будет мясо морского зверя, хлеб и каша, что у нас отсутствует топливо и керосин для освещения, так что возможны холод и темнота.

— Мы знаем, на что мы идем, — ответили они единодушно.

Коль скоро возникли сомнения в приходе к нам судна, я решил отправить людей, которые подготовились к возвращению на материк, с самолетом. Всего на этот раз с острова должно было уйти одиннадцать человек, из них шесть взрослых и пять детей. Должна была покинуть остров семья Павлова, состояние его здоровья требовало отъезда; надо было вывезти с острова эскимоса Аньалика с семьей и двумя взрослыми братьями — Югунхаком и Пинехаком.

Целесообразно было отправить на материк также наличный запас пушнины. Песцовых шкурок было немного — 430 штук, но и это количество нужно было ухитриться сохранить. К этому времени решили перебросить зимовку на север, ближе к дровам, а на Роджерсе все законсервировать, поэтому я боялся, что пушнина, несмотря на все наши усилия, может погибнуть.

Павлов с помощью эскимосов в одну ночь упаковал пушнину. К утру она была готова к погрузке.

1 сентября я отправил с самолетом следующую телеграмму на материк, в крайисполком и крайком партии:

«По моему убеждению, надежд на прибытие к Врангелю парохода «Челюскин» нет. Несмотря на заброску минимальных запасов самолетом «Н4», предстоит пятая зима в архитрудных условиях. Из-за отсутствия топлива начинаю переброску зимовщиков на северную сторону острова, где есть плавник. Придается строить зимовья из плавника, по возможности оборудовать их для перенесения зимы. Жилые помещения, склады в бухте Роджерс законсервирую со всем содержимым.

Всего этого можно избежать при условии посыпки какого-либо судна, находящегося в данное время у Дежнева, с грузом угля максимум 30 тонн. По условиям льда судно может свободно пройти к острову к северу от Геральда. У острова Врангеля — чистая вода. По сообщениям туземцев, в указанном районе лед ушел в середине августа. Расстояние от Дежнева до Врангеля — двое ходовых суток при хорошем море. По состоянию моря можно думать, что образование льда начнется не раньше конца сентября. Времени мало, но при быстром разрешении вопроса хватит. Благодаря заброске самолетом «Н4»

необходимых продуктов и вывозке больных дополнительная заброска угля обеспечит относительно благополучное проведение зимы. Без доставки топлива не могу поручиться за благополучное проведение пятой зимовки».

Имел ли я право ставить так вопрос? Мог ли я утверждать, что надеялся на приход «Челюскина» нельзя? И мог ли я утверждать, что судно, посланное от Дежнева, беспрепятственно дойдет до острова Врангеля? В то время, когда я совещался с Власовой и обдумывал этот животрепещущий для всех нас вопрос, я не знал целого ряда обстоятельств. Они только несколько позже выяснились и подтвердили мою правоту. Но я рассчитывал так: ежели будут приняты указанные мною меры и «Челюскин» к нам дойдет, больших убытков государство не понесет. Если же меры эти не будут приняты и «Челюскин» не дойдет, нам будет крайне трудно, и о результатах зимовки наперед ничего сказать нельзя.

Уже одно это соображение давало мне право просить помощи помимо «Челюскина».

По сведениям прилетевших, у северных берегов материка лед очень тяжелый и надеяться на быстрое продвижение там судна нельзя. У острова в конце сентября, как правило, невозможно плавать. Бухта обычно становится в середине сентября, а море замерзает в начале октября. Иногда, правда, бурная погода взламывает молодой лед, уголяет его далеко к югу, но как только ветер прекращается, за два-три спокойных дня, море покрывается таким крепким и толстым молодым льдом, что по нему можно ездить на собаках. Эскимосы, приходившие с севера, рассказывали, что наблюдали с высот состояния моря и, по их утверждению, к востоку от острова Врангеля лед был легкопроходимым.

Относительно состояния льда на востоке уже 8 сентября я получил сведения, которые точно подтвердили мои предположения. Павлов, вылетевший 3 сентября с острова Врангеля,

В горах у мыса Блоссом.

прислал по моей просьбе с мыса Северного подробное сообщение о расположении льда у острова Геральд и в проливе между островами Врангеля и Геральд. К югу от острова Геральд отходила полоса битого разреженного льда. Севернее и восточнее острова Геральд лед имелся только в виде отдельных сравнительно небольших скоплений, разделенных друг от друга чистой водой расстоянием во много миль.

Павлов писал мне, что от острова Геральд до бухты Сомнительной и дальше на запад они шли на высоте 900 метров. К югу от Роджерса и на запад был виден очень тяжелый паковый лед. Таким образом, то состояние льда, которое мне рисовалось на основании сведений, полученных от эскимосов, и личных наблюдений, подтвердилось разведкой, произведенной Павловым. Имея большой опыт, он вряд ли мог ошибиться.

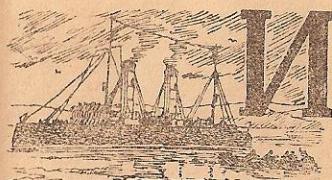
Последующие события с «Челюскиным» и другими судами, зимовавшими под берегом, полностью подтвердили наши соображения.

Во второй рейс самолет дополнительно завез нам заказанные продукты и забрал Павлова с семьей.

Мы остались с Власовой. Кроме того, с нами были два свежих человека: радиостраутман и моторист Демидов.

ГЛАВА XII

ПЯТЫЙ ГОД БЕЗ СМЕНЫ. БЫТОВЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

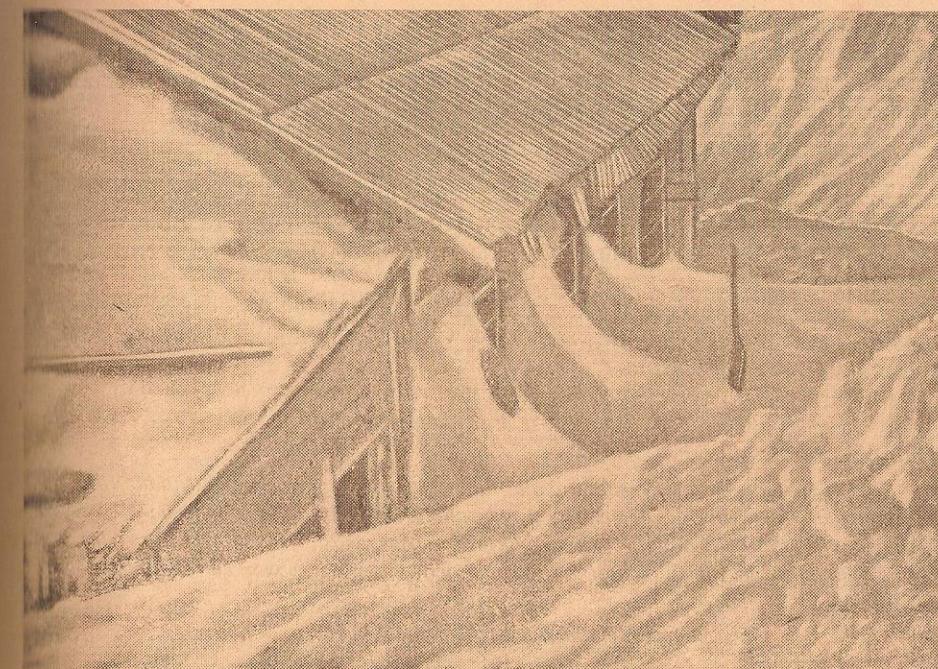

ТАК, близилась пятая зимовка.

Население острова уменьшилось на одиннадцать человек. Среди уехавших был Павлов, проживший с нами четыре года¹. Помощь его в трудную минуту бывала очень ощущимой. Материально обеспечены мы были хуже, чем в прошедшем году. А ведь население острова, вместе с нами, исчислялось в пятьдесят два человека.

У нас имелся достаточный запас муки; мяса добыть можно было сколько угодно. Но совсем плохи стали дела с топливом. Уголь отсутствовал. В прошлом году неподалеку была кое-какая древесина. Теперь и ее не было. Места с запасами плавника находились далеко, на северном побережье, за 60—65 километров. Возить дрова на собаках через хребты, да еще зимой, — дело неосуществимое. По южному побережью самый близкий плавник лежал в бухте Предательской — тоже в 70—75 километрах от фактории. Хотя дорога морем легче, чем в горах, все же из-за частых ветров и пурги оттуда возить дрова было очень трудно. Наконец, в прошлом году у нас был достаточный запас керосина, теперь его оставалось всего около 80 килограммов. Рассчитывать на керосин как на отопительный материал не приходилось; его и для

¹ Всего на острове Павлов прожил семь лет.

Дом полярной станции зимой.

освещения хватит не надолго. Имелось несколько тонн бензина, но мы опасались использовать его для отопления. Поэтому, размышляя о топливе, я бензин во внимание не принимал.

В общем лишения предстояли большие. Только при жесточайшей экономии, при установлении твердых норм на продукты питания можно было кое-как протянуть без голодовки. Скверно было с витаминозными продуктами. За исключением 3 килограммов засахаренных лимонов, да и то не менее чем трехлетней давности, у нас ничего не было. Туземцам я предложил заготовить нунивак и другую траву, употребление которой могло дать противоцинготный эффект.

В случае переброски станции на север нам нужно было построить четыре юрты. Юрты были запроектированы микроскопические. Однако для них все же нужно было собрать много плавника.

Как только улетели самолеты, я составил списки необходимых материалов для производства работ на севере. Демидов проверил большой лодочный мотор, подготовил его к длительной работе, а также вместе с Таяном установил на кунгасе прицепной мотор, чтобы кунгас легче было буксировать.

Все предназначенные для перевозки на север было собрано у берега в удобном для погрузки месте. Груз был заранее распределен по судам.

Уже через день-два после отлета самолетов мы могли бы дви-

нуться на север, но нас задерживало отсутствие ответа с материка о посылке вспомогательного судна с мыса Дежнева. О намеченных мероприятиях я просил Комитет Севера сообщить нам через хабаровскую широковещательную станцию.

5 сентября перед вечером нас вызвали по радио. Вызов услышала Власова.

Первый раз за четыре года нас, именно нас, а не кого-нибудь другого, вызывали по радио с материка. Поэтому Власова так растерялась, что не разбрала как следует и не могла толком объяснить, кто вызывает.

— Остров Врангеля! Остров Врангеля! Вызываем остров Врангеля. Товарищ Минеев! Товарищ Минеев! Слушайте после наших передач сообщение крайисполкома.

Передача по нашим часам оканчивалась примерно в 3 часа ночи. Мы сидели до конца передачи и слушали. Наконец, нас еще раз вызвали и сообщили:

«Товарищ Минеев, ваша радиотелеграмма получена крайисполкомом через пароход «Микоян». «Челюскин» 1 сентября 1933 года прошел мыс Челюскина, идет против устья Лены к Новосибирским островам. Даны указания о заброске вам продовольствия. Принимаем меры к отправке парохода с топливом. Привет. Комитет Севера».

7 сентября нам обещали сообщить окончательные данные о посылке судна.

Я не счел возможным уезжать из бухты Роджерс до получения этого сообщения.

С нетерпением мы ждали 7 сентября. Пришел условленный день, но нас не вызвали, 8-го также.

Дальнейшее ожидание могло причинить нам много неприятностей. Время уходило. Уже стояли довольно ощутительные морозы. Бухта временами покрывалась салом, море в некоторых местах стеклянело молодым льдом. Я решил выйти на север 9 сентября.

Утро не сулило ничего хорошего. С темного облачного неба сыпалась едва различимая глазом водяная пыль. Ветер взбаламутил море, оноказалось темным и холодным. Редкие беляки льдин нарушили мрачную однотонность, но не меняли сумрачности картины. Хорошо, что льда было мало, и мы, по всей видимости, могли еще проскочить на север.

Я отправился в сопровождении Демидова, Таяна, Кивьяна и На-науна. В бухте Роджерс оставалась Власова, выполнявшая обязанности метеоролога. Моим заместителем остался Траутман. Ему было поручено установить в кратчайший срок связь с материком. Я написал ему специальную инструкцию, в которой постарался предусмотреть мероприятия на случай прихода «Челюскина», угольщика или прилета самолета.

Часам к десяти, закончив все приготовления, мы двинулись на север. Подходя к мысу Гавай, встретили первые льдины, медленно двигавшиеся нам навстречу. Чем дальше мы шли, тем больше встречалось по пути льдин.

У косы Скурихина лед оказался настолько густым, что движение дальше грозило потерей посудины. Я решил «поворнуть оглобли». Лед следовал за нами, и просвет между нами и льдом почти не увеличивался.

На подходе к лагуне реки Нашей поднялось довольно значительное волнение, что еще больше затруднило наше плавание. Я решил поставить кунгас на якорь в лагуне реки, а самим на вельботе поскорее уходить в бухту Роджерс. Пока возились с кунгасом, лед подошел вплотную, и мы еле-еле ушли от него.

9 сентября нас вызывали, но ничего путного сообщить не смогли.

Вернувшись, я занялся разработкой плана похода на север пешком. В тундре снега совершенно не было, и ехать на собаках было невозможно. Поход назначили на 12-е. Я составил список всего, что нужно взять, включив самое необходимое, так как весь груз надо было нести на себе. Для предстоящего строительства мы брали некоторый инструмент и очень небольшое количество строительных материалов в виде гвоздей и моржовых желудков для окон. Основной груз состоял из продуктов питания и одежды.

Все намеченное к переноске было тщательно взвешено и разложено. Каждый участник похода имел одинаковый по весу компактный тюк. Кроме этого обязательного груза, каждый должен был взять одежду и спальные принадлежности для себя. Кукули тащить мы, конечно, не могли, приходилось устраиваться сугубо по-походному, палатку также брать не решились.

Днем 11-го на горизонте показался самолет. В бинокль удалось разглядеть, что летит «Н4». Шел он довольно высоко и направлялся на восток. Часа через полтора он появился вновь и сел в бухте. Во многих местах бухта уже покрылась салом, и машина долго выбирала удобное для посадки место.

Прилетевшие сообщили, что угольщик пока еще к нам не идет. «Челюскин» находится у устья Колымы. Пилоты делали для него разведку льда. Результаты разведки неутешительные. На запад от бухты Роджерс и дальше льды совершенно непроходимы. На востоке положение изменилось к худшему. Лед поджало к берегу и довольно сильно сплотило. Если не задует NW или WNW, то и здесь проходимых фарватеров не будет. У материкового берега лед хоть и проходим, но все же достаточно тяжел.

Из этого можно было сделать вывод, что питать особых надежд на приход «Челюскина» нечего. «Надо ехать на север, — думал я, — иного выхода нет, хотя и при таком выходе хватим горя».

Рано утром 12 сентября, когда мы провожали самолет, неожиданно пошел снег. Тундра быстро побелела. Я решил отложить поход на север, так как даже небольшой снег на тундре давал возможность двигаться на собаках, а это уже меняло к лучшему наши планы. Мы могли взять с собой значительно больше строительных материалов, продуктов и спальные принадлежности.

Пока шел снег, мы срочно готовили нарты и проверяли упряжь.

В ночь на 13-е снег перестал, но остался лежать на тундре. Было еще совсем темно, когда я разбудил всех спутников, и мы быстро собрались к отъезду. Из новых людей ехал только Демидов. Траутман заявил меня, что самое большое через три дня связь с материком будет установлена.

13, 14 и большую часть 15-го мы с большим трудом продвигались через горы к назначенному месту. Там, где можно было пользоваться руслами рек со старыми залежами снега, мы двигались сравнительно быстро, но на перевалах, взлобках и вершинах холмов, где не было снега, собаки не могли тащить нарты без нашей помощи. В особо трудных местах приходилось перетаскивать нарты по очереди, впряжен в каждую всех собак и помогая им всем людским коллективом.

Наконец, цель нашего путешествия достигнута. Для постройки зимовья выбрали место на северной стороне, у юрт эскимосов, из которых теперь остался только Аналько с сыновьями. Сразу же в день приезда я послал Анакулю за байдарой, которая находилась в заливе Дублицкого, у мыса Литке (другой пловучей посуды в этом месте не было). Поздно ночью Анакуля возвратился с байдарой, и чуть свет мы отправились на заготовку плавника. Он оказался разбросанным на косах, отделенных от материкового берега довольно широкими бухтами; приходилось доставлять его к месту постройки по воде.

Целый день мы выискивали древесину, пригодную для построек, тут же распиливали ее и складывали в компактные, удобные для погрузки кучи. Плавник, негодный для построек, складывали отдельно. Это топливо для будущей зимовки.

На следующий день часть людей занялась доставкой плавника на байдаре, другие готовили площадку для строительства, копали котлован. Когда стал поступать лес, его раскалывали пополам на плахи и грубо обтесывали. Толщина стен большого значения не имела, так как поверх стен и потолка предполагалось насыпать песок. В окончательном виде наши жилища должны были выглядеть как песчано-глинистые холмы с двумя отверстиями каждое — для окна и двери.

Строительство подвигалось быстро. Но в самый разгар работ, 19 сентября, неожиданно ударили крепкий мороз, градусов в двадцать. Опресненный слой воды на поверхности бухты замерз, и бухта покрылась довольно толстым льдом. Человека выдержать он еще не мог, а для нашей байдары представлял непреодолимое препятствие. Работы прекратились. Возить плавник стало невозможно, а заготовленного дерева было еще слишком мало. Ждать полного ледостава, чтобы возить плавник на санях, нам казалось нецелесообразным. Ведь вместе с водой должна была замерзнуть и земля, а с крупными мерзлыми глыбами мы ничего не могли бы сделать. Надо было искать какой-то иной выход.

Ночью, когда все люди, истомленные дневной работой, крепко спали, я ворочался в своем кукуле и до боли в голове думал о том, что делать. Оставаться здесь? Рискованно! Можно и тут ничего не сделать и упустить время для подготовки зимовки на Роджерсе. Ехать на Роджерс? Как же там устроить зимовку без топлива?

Осенняя заготовка плавника на топливо.

Решил возвращаться. Как ни трудно нам будет, но там все же есть жилье, хотя и нет топлива. Можно устроить зимовку в аграх (меховых комнатах).

Утром, разбудив людей, я сообщил им о своем решении. Обсудил с Таяном и Кивьяном возможность зимовки в аграх, и они нашли мое предложение приемлемым.

Не теряя времени, мы запрягли собак и двинулись на юг. Для облегчения нарт часть ненужного груза оставили на севере, вверив его попечению Аналько. Ему же поручили хранить лес, заготовленный нами в довольно большом количестве. Этот лес мы сгруппировали, сложили в костры, пересчитали и сказали Аналько, чтобы он его ни в коем случае не расходовал. Возможно, что зимой нам удастся вывезти его на Роджерс.

Через два дня мы были на фактории.

В наше отсутствие, 15 сентября, на остров прилетал начальник Главсевморпути О. Ю. Шмидт с новым начальником острова Буйко. Самолет шел в район острова для разведки льда. «Челюскин» находился где-то у мыса Биллингса. Лед в западном секторе острова, по наблюдению прилетевших, был для «Челюскина» непроходим. Но они все же были уверены, что «Челюскин» летом достигнет острова Врангеля, поэтому ничего нам не привезли, кроме подарка лично мне и Власовой: двух бутылок «Боржома», коробки шоколада и нескольких

десятков луковиц. Был, правда, погружен еще ящик лимонов, но из-за перегрузки самолета пассажирами его пришлось выгрузить.

Буйко в сопровождении Траутмана осмотрел хозяйство, обошел все строения и склады.

О. Ю. Шмидт, беседуя с Власовой, выражал твердую уверенность, что «Челюскин» подойдет к острову. Он спросил у Траутмана, скоро ли он наладит связь с материком.

— Связь, Отто Юльевич, будет установлена через три дня, — отрапортовал Траутман.

На другой день рано утром гости улетели.

Вернувшись на факторию, я в плотную занялся подготовкой к зимовке. Спроектировал агры и рассчитал, сколько на них потребуется оленьих шкур. Предполагались следующие размеры агры: длина 3 метра, ширина 2,7 метра, высота 2,2 метра. На каждую полную агру требовалось от 35 до 45 так называемых постелей — шкур взрослого оленя. В отличие от эскимосских и чукотских, наши агры я решил сделать жесткими не в виде шатра с колеблющимися стенами, а почти как нормальные комнаты.

Меховые агры как зимнее жилье распространены на Чукотке давно, но такого вида агры, какими пользуются туземцы, для нас не приемлемы. Они холодные, и, кроме того, в них не поставишь ни стола, ни стула. А мы должны были продолжать научную, хозяйственную и прочую работу, которой занимались на протяжении прошедших четырех лет. Наши агры представляли собой небольшие, но все же достаточные для работы и для жилья комнаты нормального типа, с окном, дверью, потолком, за который не цепляется голова, и плотно натянутыми на каркас меховыми стенами. В жилой комнате две стены были меховые, а две обычные — бревенчатые.

Строили мы их так.

На полу агры по ширине установили четыре, а по длине шесть стояков, причем по одному стояку с каждой стороны было прибито прямо к стенам дома. По верху стояков прибили рейки, образовавшие как бы верхний венец. На стене на высоте 2 метров 20 сантиметров прибили брус, на который положили четыре рейки-матицы для потолка, а сверх них и поперек тонкие доски. Получилась довольно частая решетка. По длиной стене на стояки, с внешней их стороны, также прибили тонкие доски, тоже образовавшие решетку. Мех должен был лежать на этих досках для лучшего сохранения его.

Дверь состояла из рамы, на которой был натянут тот же мех, что и на стенах и потолке агры.

Несмотря на то, что шкуры для агры выделяются самым первобытным способом, все же выделка их необходима. Невыделанные шкуры ломки и быстро приходят в негодность. Чтобы организовать сносно зимовье, нам требовалось по меньшей мере 120 шкур. Для выделки их были мобилизованы все туземные женщины.

Пока выделялись шкуры, мы наготовили необходимого размера деревянные рейки, как следует выстругали их, чтобы на острых гранях

шкуры не так быстро изнашивались. Из них в наших жилых комнатах были построены каркасы.

Эскимоски Инкали и Агеко раскрасили и сшили готовые шкуры и большие полотнища. Этими полотнищами мы обшили каркасы, причем гвоздями их прибили только к полу да в нескольких местах у окна к наличнику. Двери в аграх были нормального типа, только дверные полотнища меховые. В каждой агре было по одному окну. Агры были расположены так, что мех стены, прибитой к наличнику окна, включал окно дома в стену агры. Вентилировалась аgra обычным порядком — через форточку.

Мы построили четыре агры, закончив все работы в середине декабря.

Агры получились довольно хорошие, хотя и были очень малы. Если я работал за столом, а Власовой нужно было выйти из комнаты или войти, то мне приходилось вставать и убирать стул под стол. Теснота особенно досаждала радиостанции. Они часто раздражались, дело доходило до перебранок, и мне приходилось мирить их.

С переселением в агры пришлось ввести особые правила пользования ими. В них не разрешалось мыться, стирать, что-либо варить или кипятить, так как стены, впитав влагу, быстро сквачивались и агра переставала отвечать своему назначению. Было запрещено курение, так как из-за необходимости беречь тепло агры нельзя было часто вентилировать. Я совершенно перестал курить, как только были поставлены агры, и пытался воздействовать на Траутмана и Демидова. Демидов дал обещание бросить курить, но не выдержал и двух дней. Траутман с месяц не курил, а потом, как-то зайдя ко мне, объявил, что он больше терпеть не может и начнет курить. Несмотря на строжайшее запрещение курить в агре, эти великовозрастные люди пустились на обман и курилитайком от меня.

Агры прекрасно сохраняли тепло. Пока мы их строили, в наших комнатах на окнах намерзло много льда, и он не ставил, даже когда протапливали печь. Но как только поставили агры, окна «заплакали», пришлось подставить банки и часто вытирать подоконники, чтобы на

Эскимоска Агеко.

полу не образовались лужи. Через два дня от наледей на окнах не осталось и следа. Окна и впредь были чисты.

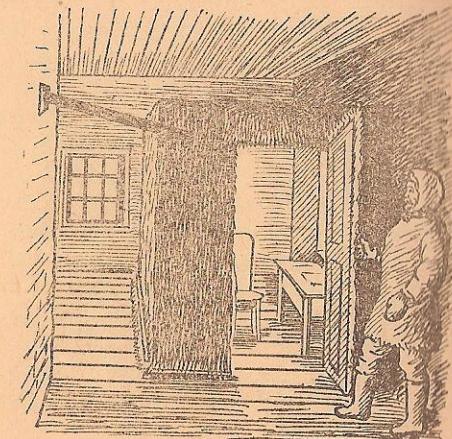
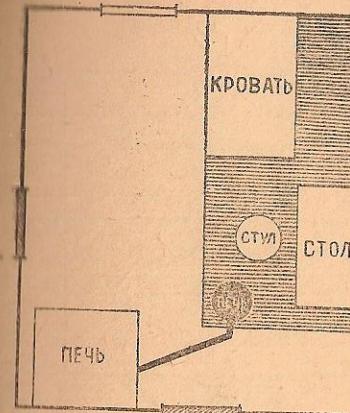
Но как бы хорошо агры ни сохраняли тепло, к сожалению, сами по себе они тепла не вырабатывали. Поэтому вопрос об отоплении не был снят с повестки дня. Первое время, пока у нас был керосин, вопрос об отоплении разрешался крайне просто. Мы употребляли для отопления... пятнадцатилинейные лампы. От двух таких ламп в нашей агре развивалось достаточно тепла для того, чтобы чувствовать себя вполне работоспособным. Правда, температура была крайне неровная. В безветреную погоду, когда на улице тихо, у потолка ртуть поднималась до $+20^{\circ}$ по Цельсию, а на полу термометр показывал $+7$, $+8^{\circ}$. В ветреные дни, когда от ударов пурги дом трясло, как в лихорадке, температура у потолка падала до $+10$ и ниже градусов, а на полу в это время температура была, как правило, ниже нуля. Несмотря на то, что в агре было сравнительно тепло, на полу, под линолеумом, постоянно сохранялся лед. Ходишь по полу, а он трещит, как будто какой-то шутник рассыпал под линолеумом жареный горох.

Через полчаса, максимум через час после того, как гасились лампы, в агре становилось невыносимо холодно. Для обогревания явно был необходим хотя и небольшой источник тепла, но работающий по возможности беспрерывно. Лампы же приходилось гасить, ложась спать или выходя из агры. За ночь температура в агре опускалась так низко, что в стакане замерзала вода. Кроме того, как тщательно ни следили мы за лампами, они неизбежно портили воздух отходящими газами, а экономя тепло, мы не могли часто проветривать жилье. Это влекло за собой довольно частые головные боли.

Все же мы мирились со всеми этими неприятностями, так как работать можно было. Руки не мерзли.

Керосина к началу зимовки у нас оставалось только 80 килограммов. Надолго его хватить не могло. Чтобы мобилизовать все ресурсы, я поручил Таяну осмотреть старые керосиновые бочки. На дне некоторых из них сохранились кое-какие остатки керосина, смешанного со ржавчиной. После фильтрования он кое-как горел.

Неожиданно среди пустых бочек, оставшихся на радиостанции, обнаружилась полная и накрепко закупоренная бочка. Пробка

Оборудование агры.

ее была совершенно «измочалена», — видимо, радисты пытались открывать ее бесчисленное количество раз, но попытки их оставались тщетными. С большим трудом Демидов и Таян открыли бочку, и в ней оказался... чистый керосин, 150 килограммов.

Чтобы подольше растянуть запас, я еще с осени прекратил отпуск керосина для примусов, переведя их целиком на бензин. Конечно, при неосторожном обращении могли быть и взрывы и пожары. Но люди понимали опасность таких происшествий, и, к счастью, все обошлось благополучно.

Наряду с этим требовалось изобрести какой-либо заменитель отопительного приспособления. Я предложил Демидову и Траутману подумать над разрешением этой проблемы, но они сразу же отказались.

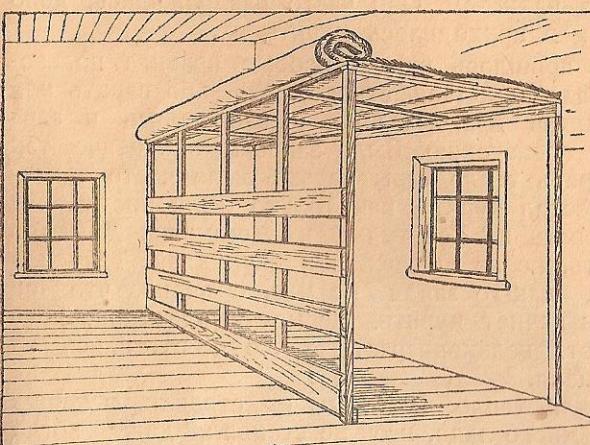
— Теплая одежда есть, кукули для спанья тоже, обед и чай можно варить на примусах, а в них наливать бензин, ну, а темнота не век будет продолжаться, — заявил Демидов.

— Но ведь в таких условиях мы не сможем работать.

— Нас никто не осудит, если мы за эту зиму ничего не сделаем. Такими же рассуждениями отдался и Траутман.

Убедившись, что от наших техников ждать помощи нечего, я взялся за это дело сам. Можно жечь бензин. Но сжигать так, чтобы было достаточно тепло, безопасно и чтобы отходящие газы не отравляли воздух в аграх, не так уж просто. При отсутствии инструментов, нужных материалов, а главное — знаний «бензино-топливная проблема» осложнялась.

Отправляясь в свое время в поездки по острову, я обдумывал проект отопления палаток во время переходов. После многих попыток мне удалось сделать из жести своеобразный ребристый калорифер, который становился на примус, как кастрюля. Благодаря довольно большой поверхности нагрева он отдавал окружающему воздуху много

Постройка агры.